

Фотографии уличных надписей с ошибками как образовательный ресурс (с примерами из города Берегово на западе Украины)

Volodymyr Shylov

University of Pecs, Department of Russian Philology, Hungary
Pécsi Tudományegyetem, Orosz Filológia Tanszék, Magyarország
Email: volodymyrshylov@gmail.com
ORCID iD: <https://orcid.org/0009-0009-1036-600X>
<https://ror.org/037b5pv06>

Аннотация. Город Берегово находится в Закарпатской области Украины недалеко от границы с Венгрией. В силу значительного процента венгероязычного населения города для более чем 150 тысяч закарпатских венгров он выполняет функцию неофициального культурного центра. На момент сбора основного материала (2019–2021) здесь встречались уличные надписи на украинском, венгерском, русском, английском и других языках. Многоязычная городская среда приводит к появлению разного рода языковых ошибок в уличных надписях, так как не все жители обладают достаточной компетенцией в используемых языках. Закарпатские венгры испытывают трудности с государственным украинским языком, изучение которого в советское время не было обязательным; вследствие компактного проживания закарпатских венгров они редко контактируют с носителями славянских языков; для венгров грамматика украинского и русского языков сложна. Статья посвящена анализу ошибок в текстах на украинском и русском языках, представлены также единичные примеры венгероязычных и англоязычных уличных надписей с отклонениями от языковых норм. Предлагается рассмотреть подход совместного с учениками выявления и изучения подобных ошибок. Внедрение такого рода упражнений в образовательный процесс может способствовать формированию у детей внимания к языковой среде и критической оценки собственной речи.

Ключевые слова: языковой ландшафт, уличные надписи, языковое образование, украинский язык, русский язык.

Photographs of Street Signs with Mistakes as an Educational Resource (with Examples from Berehove in Western Ukraine)

Summary. The city of Berehove is located in the Zakarpattia (Transcarpathia) region (Oblast) of Ukraine, near the border with Hungary. A significant part of the local population is Hungarian-speaking; that is why, for the more than 150000 Transcarpathian Hungarians, Berehove serves as an unofficial cultural center. At the time of the main data collection (2019–2021), street signs in the city could be found in Ukrainian, Hungarian, Russian, English, and other languages. Such a highly multilingual

Received: 2025-02-18. **Accepted:** 30 11 2025

Copyright © 2025 Volodymyr Shylov. Published by Vilnius University Press. This is an Open Access article distributed under the terms of the [Creative Commons Attribution Licence](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original author and source are credited.

urban environment gives rise to various types of mistakes, as not all residents are fluent in the common languages. The Hungarian minority in Transcarpathia faces difficulties in learning the Ukrainian language, as it was not compulsory during the Soviet period. The compact settlement of the Hungarian population in Transcarpathia means that they may have very limited contact with speakers of Slavic languages. In addition, the grammar of Ukrainian and Russian is difficult for Hungarians. The article focuses on errors in Ukrainian and Russian texts, but also provides some examples of street signs in Hungarian and English that deviate from linguistic norms. This study proposes an approach that involves students in the joint identification and analysis of such errors in street signs. The inclusion of such exercises in the educational process can help children develop the habit of carefully observing their linguistic environment and critically evaluating their own speech.

Keywords: linguistic landscape, street signs, language education, Ukrainian language, Russian language.

Klaidingai parašytų gatvių užrašų nuotraukos kaip edukacinė priemonė (su pavyzdžiais iš Berehovės miesto vakarų Ukrainoje)

Santrauka. Berehovė yra miestas Užkarpatės srityje, Vakarų Ukrainoje, netoli sienos su Vengrija. Dėl daugiau nei 150 tūkst. vengrų kalba kalbančių gyventojų skaičiaus miestas atlieka neoficialaus kultūros centro funkciją. Pagrindinių duomenų rinkimo metu (2019–2021 m.) miesto gatvėse aptikta užrašų ukrainiečių, vengrų, rusų, anglų ir kitomis kalbomis. Daugiakalbė miesto aplinka lemia įvairių kalbos klaidų gatvės užrašuose atsiradimą. Straipsnyje analizuojamos klaidos tekstuose ukrainiečių ir rusų kalbomis, taip pat pateikiama pavienių gatvės užrašų vengrų ir anglų kalbomis pavyzdžių, kuriuose yra nuokrypių nuo kalbos normų. Siūloma apsvarstyti bendrą su mokiniais požiūrį į klaidų nustatymą ir tyrimą. Tokio tipo pratimų įtraukimas į mokymo procesą gali padėti ugdyti vaikų dėmesį kalbos aplinkai ir kritišką savo kalbos vertinimą.

Reikšminiai žodžiai: kalbinis kraštovaizdis, gatvių pavadinimų ženklai, kalbos mokymas, ukrainiečių kalba, rusų kalba.

Введение

Первое упоминание о Берегово датировано 1063 г., когда венгерский принц Ламперт, младший сын короля Белы I, построил здесь свой дворец. Вплоть до начала XVI в. город носил имя своего основателя – сначала Лампертхаза (Lampertháza), затем Лампертсас (Lampertzász). В 1504 г. (по другим данным, в 1499 г.) впервые появляется название Бергсас (Beregzász), измененное советскими властями на Берегово в 1946 г.

Берегово – город областного значения в Закарпатской области Украины, расположенный в нескольких километрах от границы с Венгрией. По данным переписи 2001 г., население города составляло около 26 тыс. человек. Примечательно, что на тот момент гораздо больше людей в Берегово считали своим родным языком венгерский (14560 чел.), а не государственный украинский (10204 чел.) [Hires-László 2015, 164]. На сегодняшний день двуязычные украинско-венгерские вывески в городе встречаются почти так же часто, как одноязычные украинские. В Берегово можно увидеть также тексты на русском, английском, иврите и других языках.

Существование нескольких языков в городской среде создает условия для интерференции, вследствие чего уличные надписи в Берегово часто отклоняются от нормативных стандартов того или иного языка. Материалом исследования послужили созданные обычными жителями надписи. Этот материал возможно использовать в педагогической практике.

1. Использование элементов языкового ландшафта в образовательной среде: обзор работ

Языковой ландшафт определяется как совокупность письменных знаков, присутствующих на определенной территории. Это могут быть как официальные таблички с названиями улиц и площадей, так и рекламные вывески, объявления, граффити и т.п. [Landry, Bourhis 1997, 23]. В последние годы элементы языкового ландшафта все чаще рассматриваются в контексте образовательной деятельности.

Обратимся к школьному ландшафту (“*schoolscape*”), представляющему собой визуальные и материальные особенности образовательных пространств [Brown 2012; Szabó 2015]. К. Браун определяет концепцию школьной среды как такую, где воспроизводятся и трансформируются языковые идеологии [Brown 2012, 282]. По мнению Д. Гортера, перед школами стоит задача подготовить учащихся к реальному миру, поэтому они должны отражать многоязычную реальность, которая окружает их [Gorter 2018, 84]. Примечательно, что школьный ландшафт Закарпатской области анализировался в [Ohár 2022].

Обращает на себя внимание стремление к практическому применению языкового ландшафта в образовательном процессе. Особенно интересными выглядят попытки интегрировать изучение языкового ландшафта в уроки английского языка как иностранного. Так, Ч. Черн и К. Дули практикуют навыки чтения на основе англоязычных городских надписей в Тайване [Chern, Dooley 2014]. П. Сэйер в Мексике пытается связать «уличный английский» с тем его вариантом, который изучается в классе [Sayer 2010]. Л. Роулэнд предложил студентам японских университетов сфотографировать англоязычные тексты, после чего спросил у них: «Как и почему в Японии на вывесках используется этот язык?» [Rowland 2012]. К. Баррс, в свою очередь, дал задание японским учащимся сделать краткое описание каждой англоязычной надписи на 50–100 слов [Batts 2016]. Есть также пример виртуального общения корейских и американских студентов с обсуждением уличных изображений [Malinowski 2010]. Стоит подчеркнуть, что в указанных работах практически не рассматриваются ошибки в языковом ландшафте, хотя именно это направление может иметь большой потенциал в образовательной сфере.

Встречаются исследования, выделяющие уличные надписи с отклонениями от норм того или иного языка. Например, Л. Белей в своей диссертации фиксирует ошибки в текстах на разных языках (украинском, русском, английском, венгерском и др.) в Закарпатской области, не заостряя на них внимания [Белей 2012]. Единичные примеры смешения украинского языка с русским и нарушения норм орфографии в тексте на венгерском языке приводит Б. Винце на основе данных из закарпатского города Виноградов [Вінце 2022, 20].

Теме нарушений языковой нормы в украиноязычных надписях города Киева посвящена статья О. Олійник. По ее мнению, ошибки преимущественно связаны с продолжительным влиянием русского языка [Олійник 2012, 152]. К такому же выводу приходит О. Демская [Demska 2019, 6]. В. Гарань среди наиболее заметных надписей в уличном пространстве киевского района Подол выделяет категорию «Знаки, содержащие ошибки на украинском и русском языках» [Гарань 2018, 122]. Подобную категорию с ошибками в украиноязычных текстах выделяет также П. Левчук на основе польского языкового ландшафта, отмечая, что некоторые частные предприниматели экономят время и деньги на проверке украиноязычных надписей, зачастую пользуясь электронным переводчиком [Levchuk 2021, 9].

Есть также некоторые данные об ошибках в украинских и русских надписях, встречающихся на улицах населенных пунктов Венгрии. Эти данные приводятся в работах, большинство которых, к сожалению, выполнено людьми, не владеющими свободно славянскими языками. Как следствие, А. Эрешш в одном случае причисляет к украинским русскоязычную надпись *женский туалет*, а в другом – не замечает ошибку в украинском слове *мюслі* [Eröss 2022, 76–77]. Аналогичное игнорирование ошибок в текстах на русском языке из города Хевиз замечено в статье С. Бати [Bátyi 2014, 30–31]. В отношении ошибок в использовании русского языка в других странах можно привести анализ А. Павленко, фиксирующей такие случаи в языковом ландшафте города Лимасол (Кипр) [Павленко 2016, 28–29]. Фотография объявления с многочисленными языковыми погрешностями приводится в статье Д. Коломайнена о русском языке в Египте, арабских странах и Африке [Коломайнен 2010, 448], а в работе Ц. Лю рассматриваются переводческие ошибки на русскоязычных надписях в китайском языковом ландшафте [Лю 2021, 165–166].

Наибольшее количество трудов посвящено ошибкам в английском языке. Э. Шохами отмечает, что решение о том, какие языки отображать в общественных местах, не всегда совпадает с теми языками, которыми люди реально владеют и пользуются в повседневной жизни [Shohamy 2015, 153]. По данным исследований из постсоветских стран, исполь-

зование английского языка и латиницы здесь происходит на фоне низкого уровня знания или даже полного незнания английского, особенно среди представителей старшего поколения [Pavlenko, Mullen 2015, 125]. В другой работе А. Павленко приводит пример англоязычной вывески с ошибкой из Киева [Pavlenko 2009, 258]. Подобный случай в виде англоязычного граффити находим в статье С. Черничко и П. Лайхонена, где описывается языковая ситуация села Косонь Закарпатской области [Csernicskó, Laihonen 2016, 21]. Впрочем, нельзя отрицать и умышленное использование нестандартных, «локальных» вариантов английского языка в данных примерах. Я. Бломмарт использует термин “truncated repertoire” (досл – «урезанный, сокращенный репертуар») как характеристику английского языка, распространившегося в мире и отражающего недостаточно хорошее владение языком [Blommaert 2010, 103].

Как отмечает М. Дружинец, на современном этапе развития методики преподавания формируются концепции, в которых языковые погрешности изучаются с целью повышения грамотности учащихся [Дружинец 2017, 219–220]. Есть все основания полагать, что ошибки, встречающиеся в языковом ландшафте определенного региона, также могут иметь важную практическую функцию. Это позволяет расширить сферу изучения языкового ландшафта, добавив сюда целенаправленный поиск ошибок на уличных надписях. Ученикам предлагается найти вывески, на которых используются ненормативные варианты того или иного языка. Сейчас почти у всех детей есть смартфон с цифровой камерой, что дает им возможность делать неограниченное количество фотографий. Полученные материалы затем можно анализировать на уроках вместе с преподавателем.

2. Уровень владения украинским и русским языками среди представителей национальных меньшинств Закарпатья

В СССР украинский язык не преподавался в школах национальных меньшинств (венгерских, румынских и др.) в Закарпатской области, в отличие от русского [Белей 2012, 61]. Сегодня преподавание украинского языка является обязательным во всех школах Украины, а уроки русского были отменены. Употребление украинского языка в качестве языка преподавания в школах национальных меньшинств привело к следующим результатам. В 2001 г., по сравнению с 1989 г., среди венгерского населения Закарпатья значительно увеличилось количество людей, владеющих украинским языком (с 11,3% до 46,7%). Доля же венгров, знающих русский язык, уменьшилась с 42,2% до 30,5% [Пилипенко 2017, 101]. Эти цифры немного разнятся с теми, которые приводили А. Берэгсаси и С. Черничко по итогам своего социолингвистического анкетирования,

проведенного в 2003 г. Согласно критериям от 1 балла до 7 (где 7 означало полное владение языком, а 1 – его незнание), результаты были таковы: венгерский 6,899, украинский 4,069, русский 4,461 [Берегсасі, Черничко 2005, 83].

Еще более любопытными являются данные по румынскому меньшинству Закарпатья. Если более половины из них (52%) владели русским языком в советские времена, то аналогичный показатель по украинскому составлял лишь 4%. По состоянию на 2001 г. украинский язык знали уже 7770 чел. (24,2%), а русский – 12063 чел. (37,5%) из 32152 чел. Не самые лучшие показатели за 2001 г. можно обнаружить также для представителей ромской национальности: из 14004 ромов, проживавших на тот момент в регионе, на украинском говорили 4606 чел. (32,9%), а на русском – 1634 чел. (11,7%) [Белей 2012, 61–68].

Итак, уровень владения украинским и русским языками среди представителей национальных меньшинств Закарпатья характеризуется значительными колебаниями. По мнению Г. Пилипенко, украинская речь закарпатских венгров может сводиться к элементарному набору бытовых фраз с многочисленными нарушениями нормы, но также может быть на уровне полноценной компетенции монолингва [Пилипенко 2017, 105].

Рассмотрим более детально ситуацию с венгерским национальным меньшинством. А. Тарканій отмечает, что молодое поколение закарпатских венгров, изучавшее украинский язык все свои школьные годы, приходит в Ужгородский национальный университет с очень слабым уровнем владения государственным языком [Тарканій 2011]. Огромное количество венгероязычных детей не может даже поступить в украинские вузы. При относительно равных процентах неудачных тестов по украинскому языку и литературе в разные годы для всех абитуриентов (примерно 8-9%), показатели венгерского меньшинства составляли: в 2008 г. – 30%; в 2009 г. – 44%; в 2015 г. – 63%; в 2016 г. – 59% [Черничко 2017, 224].

Известно также, что в 2018 г. уже более чем 2/3 выпускников венгероязычных школ из Береговского района Закарпатской области не смогли сдать государственный тест по украинскому языку и литературе [Певсе 2019, 214].

Глава Венгероязычного педагогического общества в Закарпатье И. Орос, анализируя результаты ВНО за 2008 г., пришла к выводу, что по большинству предметов закарпатские венгры не отстают от своих сверстников по области, а иногда даже опережают их. Лишь результаты экзамена по украинскому языку и литературе значительно расходятся с областными показателями [Черничко 2018, 99].

Г. Пилипенко приводит высказывания закарпатских венгров о том, какие именно трудности они испытывают при изучении украинского языка: а) венгерское окружение («Я венгр и вокруг меня живут венгры»); б) различия в грамматической структуре, например, наличие рода («Потому что в украинском языке есть *він, вона, воно*») и словоизменение («Сложные окончания, много изменяющихся слов»); в) плохое преподавание в школе [Пилипенко 2014, 255]. Названные респондентами причины частично объясняют, почему в городе Берегово уличные надписи на украинском и русском языках нередко пишутся с ошибками.

3. Примеры уличных надписей с ошибками в городе Берегово Закарпатской области

Несмотря на то, что русский язык в Украине не является официальным, в 2019–2021 гг., во время сбора основного материала, в Берегово все еще встречались русскоязычные надписи. Л. Белей называет это «постколониальным наследием», ведь в СССР русский выполнял роль языка межнационального общения [Белей 2012, 43]. Ошибки могли быть вызваны фонетическими причинами: на фото 1 вместо правильного *звонок* видим *званок*, на фото 2 – *продаетса* вместо корректного *продается*.



Фото 1. Написание русского слова «звонок» с ошибкой¹ (2019 г.)



Фото 2. Написание русского слова «продается» с ошибкой (2019 г.)

До недавних пор среди местных исследователей бытовало мнение, что закарпатские венгры прибегали к русскому языку, считая его «экономически полезным» [Греш-Ласлов та ін. 2021, 99]. Однако в условиях полномасштабной войны между Украиной и Россией, начатой 24 февраля 2022 года, русскоязычные надписи в Закарпатье вряд ли принесут какую-либо экономическую выгоду, скорее наоборот.

¹ В качестве иллюстративного материала в статье приводятся фотографии из личного архива автора.

В 2021 г. действовали ограничения, связанные с COVID-19. Это привело к массовому появлению надписей, информирующих о противоэпидемических мерах (например, о необходимости ношения маски или допустимом числе посетителей в магазине). Такие объявления создавались в сжатые сроки, так как антиковидные требования постоянно менялись, а их несоблюдение влекло за собой серьезные штрафы для владельцев магазинов. На фото 3 обнаруживается ошибка в украинском слове *заходити*: вместо кириллической буквы *И* здесь дважды используется латинская *N*.



Фото 3. Написание латинской буквы N вместо кириллической И в украинском слове «заходити» (2021 г.)

Возможны два сценария использования фотографий уличных надписей с ошибками на занятиях. Первый из них предполагает, что учащиеся поочередно рассматривают изображения и исправляют слова, которые, по их мнению, написаны неверно. Второй вариант строится в виде теста: ученикам предлагается как минимум две фотографии с похожими текстами и предлагается определить, на какой из них нет ошибок. Как полагает М. Рипей, сопоставление ошибочного и нормативного вариантов способствует более прочному усвоению последнего [Рипей 2021, 92]. Рассмотрим пару примеров упражнений, составленных по второй методике, для уроков русского и украинского языков для венгров.

Упражнение №1: «На какой из фотографий все кириллические буквы написаны правильно?» (фото 4 или 5).



Фото 4. Первый вариант ответа к упражнению №1 по русскому языку как иностранному (2021 г.)



Фото 5. Второй вариант ответа к упражнению №1 по русскому языку как иностранному (2019 г.)

Упражнение №2 (для урока по украинскому языку как иностранному): «На якій з фотографій усі українські слова написані без помилок?» (рус: «На какой из фотографий все украинские слова написаны без ошибок?») (фото 6 или 7).



Фото 6. Первый вариант ответа к упражнению №2 по украинскому языку как иностранному (2019 г.)



Фото 7. Второй вариант ответа к упражнению №2 по украинскому языку как иностранному (2021 г.)

В первом упражнении необходимо выбрать русское слово *продается* с правильным написанием кириллической буквы *Р* (фото 4) вместо латинской *R* (фото 5). Необходимость формировать навыки орфографии у закарпатских венгров с самых первых шагов ознакомления с украинским языком отмечает И. Ковтюк [2015, 65–66]. Смешение кириллицы и латиницы наблюдается и в других работах, посвященных двуязычию: так, А. Палади утверждает, что исследователи эстонско-русского двуязычия фиксировали смешение двух алфавитов у своих респондентов [Палади 2011, 130].

Во втором задании нужно определить, в каком из предложенных учащимся текстов использован корректный украинский вариант этого слова – *продается* (фото 7), а не *продаэться* (фото 6). Из современных славянских языков буква *Э* существует только в русском и белорусском алфавитах. Автор объявления на фото 6 явно перепутал эту букву с украинской *Є*, хотя фонетически они различаются.

В языковом ландшафте города Берегово часто встречались двуязычные (украинско-венгерские или русско-венгерские) надписи, в связи с чем можно предположить, что ошибки разного рода могут быть и в венгероязычных текстах. Так, в венгерской версии объявления о работе в Германии (фото 8) практически отсутствуют пробелы между словами. Кроме того, отмечены ошибки в лексемах: правильно не *Európai Unió*, а *Európai Unió*s, не *útlevéle*, а *útlevéllel*: *Férfiak és nők jelentkezését várjuk az Európai Unió*s útlevéllel (досл.: *Ждем заявок от мужчин и женщин с паспортом Европейского Союза*). Текст на украинском также содержит ошибки, связанные с влиянием русского языка: неправильную форму *в Германії* следует заменить на *в Німеччині*, слово *робочі* – на *працівники* или *робітники*, а словосочетание *по упаковці курятини* – на *з упаковки курятини*.

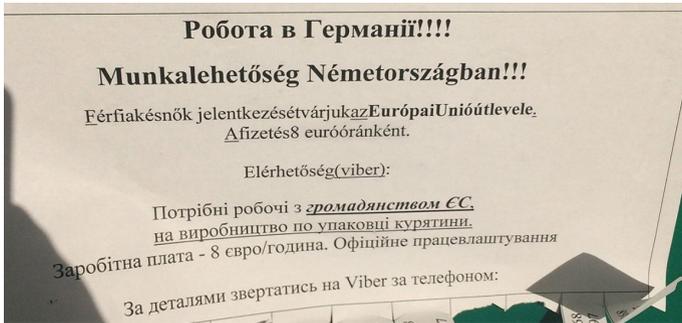


Фото 8. Объявление с ошибками как в венгерской версии текста, так и в украинской (2019 г.)

Ранее уже говорилось об ошибках в надписях на английском в постсоветских странах. По данным переписи населения 2001 г., менее одного процента жителей Закарпатья заявили о свободном владении английским языком [Черничко 2010, 635]. Можно предположить, что с тех пор ситуация изменилась в лучшую сторону в силу роста популярности английского языка. Однако в Берегово англоязычные вывески могут содержать ошибки, ср. ошибку в слове *restaurant* (фото 9).



Фото 9. Вывеска на английском языке с ошибкой в слове *restaurant* (2019 г.)

4. Возможность использования материалов уличных надписей в лингводидактических целях

Приведенные в статье примеры ошибок на уличных надписях города Берегово Закарпатской области, зафиксированные на четырех языках – украинском, русском, венгерском и английском, могут быть использованы в образовательном процессе. Следует отметить, что похожие задания уже применяются на уроках украинского языка для закарпатских венгров. Так, например, Е. Борисова, работающая в одной из венгероязычных гимназий Закарпатья, отмечает, что учащихся больше всего увлекает

исправление предложений, встречающихся в их собственных творческих работах или найденных ими в объявлениях, печатной рекламе и других текстах с ошибками. Для выполнения упражнений применяется следующая методика: сначала ученики самостоятельно читают текст и проверяют его на наличие ошибок, затем вместе с учителем обсуждают прочитанное. Как утверждает Е. Борисова, подобные задания используются нечасто, но они помогают развивать внимание, делают изучение материала более увлекательным и мотивируют школьников со временем приносить свои собственные примеры [Борисова 2019, 193].

Новый подход, включающий совместное с учениками выявление и изучение ошибок, может существенно расширить образовательное применение языкового ландшафта, сместив акцент с теоретических аспектов на практическое вовлечение учащихся в анализ реальных языковых явлений. Особенно актуальным данный подход представляется в условиях многоязычной среды, поскольку дети из мультикультурных районов зачастую не замечают, что скрывается за языковым ландшафтом их местности. В таком случае ошибки и их анализ играют особо важную роль: если они не устраняются в течение долгого времени, то у учеников может сложиться ложное впечатление, что они не противоречат языковой норме, а это может привести к совершению в будущем ошибок учащимися, подобных тем, которые встречаются на вывесках в их родных городах и селах. Анализ ошибок на уличных надписях формирует привычку внимательно наблюдать за языковой средой и критически оценивать собственную речь, что способствует осознанному использованию нормативных форм языка (языков).

Литература

БЕЛЕЙ, Л., 2012. *Мовний ландшафт Закарпатської області України початку ХХІ ст.* Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук. Національна академія наук України, Інститут мовознавства ім. О.О. Потебні НАН України.

БЕРЕГСАСІ, А., ЧЕРНИЧКО, С., 2005. Українська мова у школах з угорською мовою навчання у соціолінгвістичному аспекті, *Українознавство*, 4. 82–86.

БОРИСОВА, Є., 2019. Сучасний стан викладання української мови в закладах загальної середньої освіти з угорською мовою навчання на Закарпатті (практичний аспект). In БАЛЛА, Е., БАРАНЬ, С., ЧОНКА, Т., ГАЗДАГ, В., ШТЕФУЦА, В. (ред.). *Україністика в Угорщині та поза її межами. Матеріали міжнародного наукового форуму 11-12 жовтня 2018 р., Ніредьгазький університет*. Ніредьгаза: “RIK-U”, 191–198.

ВІНЦЕ, Б., 2022. *Особливості співіснування та взаємодії мов у мовному ландшафті міста Виноградів*. Магістерська кваліфікаційна робота. Закарпатський угорський інститут ім. Ференца Ракоці ІІ.

ГАРАНЬ, В., 2018. Мовний ландшафт сучасного Подолу як середовище буття, *Актуальні проблеми психології: Збірник наукових праць Інституту психології імені Г.С. Костюка НАПН України*, 46(7). 114–125.

ГІРЕШ-ЛАСЛОВ, К., КОРМОЧІ, З., МАРКУ, А., МАТЕЙ, Р., ТОВТ-ОРОС, Е., ЧЕРНИЧКО, С., 2021. *Угорці й угорська мова на Закарпатті. Закарпаття 1920–2020. Törökbálint: Termini Egyesület.*

ДРУЖИНЕЦЬ, М., 2017. Українське усне мовлення сучасної молоді України та зарубіжжя: нестійкі норми вимови, *Мова: Класичне – модерне – постмодерне*, 3. 219–227.

КОВТЮК, І., 2015. Про питання перекладу з української мови на угорську і з угорської мови на українську. In MÁRKU, A., HIRES-LÁSZLÓ, K. (Eds.). *Nyelvoktatás, kétnyelvűség, nyelvi tájékozódás*. Ungvár: Autdor-Shark, 44–68.

КОЛОМАЙНЕН, Д., 2010. Русский язык в Египте, арабских странах и Африке. In MUSTAJOKI, A., PROTASSOVA, E., VAKHTIN, N. (Eds.). *Slavica Helsingiensia 40. Instrumentarium of linguistics: Sociolinguistic approaches to non-standard Russian*. Helsinki: Helsingin yliopisto, 444–453.

ЛЮ, Ц., 2021. Исследование лингвистического ландшафта и его анализ в России и Китае, *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*, 7. 162–167. <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2021.07.21>

ОЛІЙНИК, О., 2012. Норма в мовному ландшафті Києва, *Культура слова*, 77. 146–152.

ПАВЛЕНКО, А., 2016. Русский язык как лингва франка в зарубежной сфере обслуживания, *Мир русского слова*, 1. 23–32.

ПАЛАДИ, А., 2011. *Русский язык как Lingua Franca в закарпатском городе Солотвино в наши дни (с привлечением параллельных примеров из Приднестровья и Гагаузии)*. Докторская диссертация на соискание научной степени PhD. Университет им. Лоранда Этвеша.

ПЕВСЕ, А., 2019. Сучасний стан викладання української мови в школах Закарпаття з мовами національних меншин. In БАЛЛА, Е., БАРАНЬ, С., ЧОНКА, Т., ГАЗДАГ, В., ШТЕФУЦА, В. (ред.). *Україністика в Угорщині та поза її межами. Матеріали міжнародного наукового форуму 11-12 жовтня 2018 р., Ніредьгазький університет. Ніредьгаза: “RIK-U”*, 213–218.

ПИЛИПЕНКО, Г., 2014. Второязычная речь закарпатских венгров: социолингвистический и структурный аспект. In БАРАНЬ, С., ЧЕРНИЧКО, С. (ред.). *Українсько-угорські міжмовні контакти: минуле і сучасність. Az ukrán-magyar nyelvi kapcsolatok múltja és jelene*. Ужгород: Видавництво В. Падяка, 246–265.

ПИЛИПЕНКО, Г., 2017. Українська мова закарпатських угорців. In MÁRKU, A., TÓTH, E. (Eds.). *Többsz nyelvűség, regionalitás, nyelvoktatás. Tanulmányok a Hodinka Antal Nyelvészeti Kutatóközpont kutatásaiból III*. Ungvár: “RIK-U”, 100–107.

РІПЕЙ, М., 2021. Порушення лексичної норми в сучасній газетній мові, *Українська мова*, 1. 91–103.

ТАРКАНІЙ, Г., 2011. *Закарпатська відповідь українському «мовному питанню»*. URL: <https://zakarpattya.net.ua/News/80913-Zakarpatska-vidpovid-ukrainskomu-movnomu-pytanniu-> (12.09.2025).

ЧЕРНИЧКО, С., 2010. Статус мов у різні історичні епохи. In ВЕГЕШ, М., ФЕДИНЕЦЬ, Ч. (ред.). *Закарпаття 1919–2009 роки: історія, політика, культура*. Ужгород: Видавництво «Ліра», 630–638.

ЧЕРНИЧКО, С., 2017. Дискриминация учащихся школ Украины с венгерским языком обучения. In MÁRKU, A., TÓTH, E. (Eds.). *Többszempontú, regionalitás, nyelvoktatás. Tanulmányok a Hodinka Antal Nyelvészeti Kutatóközpont kutatásából III*. Ungvár: “RIK-U”, 223–233.

ЧЕРНИЧКО, С., 2018. Державна мова для угорців Закарпаття: чинник інтеграції, сегрегації або асиміляції, *Стратегічні пріоритети*, 1. 97–105.

BARRS, K., 2016. The typology of English in Japanese society: Learning from the linguistic landscape, *Proceedings of CLaSIC*, 1. 21–29.

BÁTYI, S., 2014. Hévíz: nyelvi tájkép orosz ecsettel, *Alkalmazott Nyelvtudomány*, 14(1–2). 21–34.

BLOMMAERT, J., 2010. *The Sociolinguistics of Globalization*. Cambridge: Cambridge University Press.

BROWN, K., 2012. The linguistic landscape of educational spaces. Language revitalization and schools in southeastern Estonia. In GORTER, D., MARTEN, H., MENSEL, L. (Eds.). *Minority languages in the linguistic landscape*. London: Palgrave MacMillan, 281–298.

CHERN, C., DOOLEY, K., 2014. Learning English by walking down the street, *ELT Journal*, 68(2). 113–123. <https://doi.org/10.1093/elt/cct067>

CSERNICSKÓ, I., LAIHONEN, P., 2016. Hybrid practices meet nation-state language policies: Transcarpathia in the twentieth century and today, *Multilingua*, 35(1). 1–30. <https://doi.org/10.1515/multi-2014-0073>

DEMSKA, O., 2019. Hybridity and the linguistic landscape, *Cognitive Studies / Études cognitives*, 19. Article 2007. <https://doi.org/10.11649/CS.2007>

ERŐSS, Á., 2022. Landscape in transition in the shadow of 2022 Russia’s invasion in Ukraine – notes from Hungary, *Border and Regional Studies*, 10(1). 71–86. <https://doi.org/10.25167/BRS4792>

GORTER, D., 2018. Linguistic landscapes and trends in the study of schools, *Linguistics and Education*, 44. 80–85. <https://doi.org/10.1016/j.linged.2017.10.001>

HIRES-LÁSZLÓ, K., 2015. Nyelvi tájkép és etnicitás Beregszászon. In MÁRKU, A., HIRES-LÁSZLÓ, K. (Eds.). *Nyelvoktatás, kétnyelvűség, nyelvi tájkép*. Ungvár: Autodor-Shark, 160–185.

LANDRY, R., BOURHIS, R., 1997. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: an empirical study, *Journal of Language and Social Psychology*, 16(1). 23–49. <https://doi.org/10.1177/0261927X970161002>

LEVCHUK, P., 2021. Ukrainian language in Polish public space, *Cognitive Studies / Études cognitives*, 21. Article 2476. <https://doi.org/10.11649/cs.2476>

MALINOWSKI, D., 2010. Showing seeing in the Korean linguistic cityscape. In SHOHAMY, E., BEN-RAFAEL, E., BARNI, M. (Eds.). *Linguistic landscape in the city*. Bristol: Multilingual Matters, 199–215. <https://doi.org/10.21832/9781847692993-013>

OHÁR, B., 2022. *Iskolai nyelvi tájkép Kárpátalján: a Beregszászi Bethlen Gábor Magyar Líceum, a Nagyberegi Református Líceum és a Nagyberegi Dobrai Péter Középskola nyelvi tájképének összehasonlító elemzése*. Magiszteri dolgozat. II. Rákóczi Ferenc Kárpátaljai Magyar Főiskola.

PAVLENKO, A., 2009. Language conflict in post-Soviet linguistic landscapes, *Journal of Slavic Linguistics*, 17(1-2). 247–274. <https://doi.org/10.1353/jsl.0.0025>

PAVLENKO, A., MULLEN, A., 2015. Why diachronicity matters in the study of lin-

guistic landscapes, *Linguistic Landscape*, 1(1–2). 114–132. <https://doi.org/10.1075/ll.1.1.-2.07pav>

ROWLAND, L., 2012. The pedagogical benefits of a linguistic landscape project in Japan, *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 16(4). 494–505. <https://doi.org/10.1080/13670050.2012.708319>

SAYER, P., 2010. Using the linguistic landscape as a pedagogical resource, *ELT Journal*, 64(2). 143–154. <https://doi.org/10.1093/elt/ccp051>

SHOHAMY, E., 2015. LL research as expanding language and language policy, *Linguistic Landscape*, 1(1–2). 152–171. <https://doi.org/10.1075/LL.1.1-2.09SHO>

SZABÓ, T., 2015. The management of diversity in schools: An analysis of Hungarian practices, *Apples – Journal of Applied Language Studies*, 9(1). 25–51. <https://doi.org/10.17011/apples/2015090102>

Bibliography (Transliteration)

BARRS, K., 2016. The typology of English in Japanese society: Learning from the linguistic landscape, *Proceedings of CLaSIC*, 1. 21–29.

BÁTYI, S., 2014. Hévíz: nyelvi tájkép orosz ecsettel, *Alkalmazott Nyelvtudomány*, 14(1–2). 21–34.

BELEJ, L., 2012. *Movnyj landshaft Zakarpatskoi oblasti Ukrainy pochatku XXI st.* Dysertacia na zdobuttia naukovoho stupenia kandydata filolohichnykh nauk. Nacionalna akademiia nauk Ukrainy, Instytut movoznavstva im. O.O. Potebni NAN Ukrainy.

BEREHSASI, A., CHERNYCHKO, S., 2005. Ukrainska mova u shkolakh z uhorskoiu movoiu navchannia u sociolinhvistychnomu aspekti, *Ukrainoznavstvo*, 4. 82–86.

BLOMMAERT, J., 2010. *The Sociolinguistics of Globalization*. Cambridge: Cambridge University Press.

BORYSOVA, YE., 2019. Suchasnyj stan vykladannia ukrainskoi movy v zakladakh zahalnoi serednoi osvity z uhorskoiu movoiu navchannia na Zakarpatti (praktychnyj aspekt). In BALLA, E., BARAN, YE., CHONKA, T., HAZDAH, V., SHTEFUCA, V. (red.). *Ukrainistyka v Uhorshchyni ta poza yii mezhamy. Materialy mizhnarodnogo naukovofo forumu 11-12 zhovtnia 2018 r., Niredhazkyj universytet*. Niredhaza: “RIK-U”, 191–198.

BROWN, K., 2012. The linguistic landscape of educational spaces. Language revitalization and schools in southeastern Estonia. In GORTER, D., MARTEN, H., MENSEL, L. (Eds.). *Minority languages in the linguistic landscape*. London: Palgrave MacMillan, 281–298.

CHERN, C., DOOLEY, K., 2014. Learning English by walking down the street, *ELT Journal*, 68(2). 113–123. <https://doi.org/10.1093/elt/cct067>

CHERNICHKO, S., 2017. Diskriminaciya uhashchikhsya shkol Ukrainy s vengerskim yazykom obucheniya. In MÁRKU, A., TÓTH, E. (Eds.). *Többnyelvűség, regionalitás, nyelvoktatás. Tanulmányok a Hodinka Antal Nyelvészeti Kutatóközpont kutatásából III*. Ungvár: “RIK-U”, 223–233.

CHERNYCHKO, S., 2010. Status mov u rizni istorychni epokhy. In VEHESH, M., FEDYNEC, CH. (red.). *Zakarpattia 1919–2009 rokiv: istoriia, polityka, kultura*. Uzhhorod: Vydavnytvo «Lira», 630–638.

CHERNYCHKO, S., 2018. Derzhavna mova dlia uhorciv Zakarpattia: chynnyk intehracii, sehrehacii abo asimiliacii, *Stratehichni priorytety*, 1. 97–105.

CSERNICSKÓ, I., LAIHONEN, P., 2016. Hybrid practices meet nation-state language policies: Transcarpathia in the twentieth century and today, *Multilingua*, 35(1). 1–30. <https://doi.org/10.1515/multi-2014-0073>

DEMSKA, O., 2019. Hybridity and the linguistic landscape, *Cognitive Studies / Études cognitives*, 19. Article 2007. <https://doi.org/10.11649/CS.2007>

DRUZHYNEC, M., 2017. Ukrainske usne movlennia suchasnoi molodi Ukrainy ta zarubizhzhia: nestijki normy vymovy, *Mova: Klasychne – moderne – postmoderne*, 3. 219–227.

ERŐSS, Á., 2022. Landscape in transition in the shadow of 2022 Russia's invasion in Ukraine – notes from Hungary, *Border and Regional Studies*, 10(1). 71–86. <https://doi.org/10.25167/BRS4792>

GORTER, D., 2018. Linguistic landscapes and trends in the study of schoolsapes, *Linguistics and Education*, 44. 80–85. <https://doi.org/10.1016/j.linged.2017.10.001>

HARAN, V., 2018. Movnyj landshaft suchasnoho Podolu yak seredovyshe buttia, *Aktualni problemy psykholohii: Zbirnyk naukovykh prac Instytutu psykholohii imeni H.S. Kostiuka NAPN Ukrainy*, 46(7). 114–125.

HIRES-LÁSZLÓ, K., 2015. Nyelvi tájkép és etnicitás Beregszászon. In MÁRKU, A., HIRES-LÁSZLÓ, K. (Eds.). *Nyelvoktatás, kétnyelvűség, nyelvi tájkép*. Ungvár: Autdor-Shark, 160–185.

HIRESH-LASLOV, K., KORMOCHI, Z., MARKU, A., MATEJ, R., TOVT-OROS, E., CHERNYCHKO, S., 2021. *Uhorci j uhorska mova na Zakarpatti. Zakarpattia 1920–2020*. Törökbálint: Termini Egyesület.

KOLOMAJNEN, D., 2010. Russkij yazyk v Egipte, arabskikh stranakh i Afrike. In MUSTAJOKI, A., PROTASSOVA, E., VAKHTIN, N. (Eds.). *Slavica Helsingiensia 40. Instrumentarium of linguistics: Sociolinguistic approaches to non-standard Russian*. Helsinki: Helsingin yliopisto, 444–453.

KOVTIUK, I., 2015. Pro pytannia perekladu z ukrainskoi movy na uhorsku i z uhorskoi movy na ukrainsku. In MÁRKU, A., HIRES-LÁSZLÓ, K. (Eds.). *Nyelvoktatás, kétnyelvűség, nyelvi tájkép*. Ungvár: Autdor-Shark, 44–68.

LANDRY, R., BOURHIS, R., 1997. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: an empirical study, *Journal of Language and Social Psychology*, 16(1). 23–49. <https://doi.org/10.1177/0261927X970161002>

LEVCHUK, P., 2021. Ukrainian language in Polish public space, *Cognitive Studies / Études cognitives*, 21. Article 2476. <https://doi.org/10.11649/cs.2476>

LYU, C., 2021. Issledovaniye lingvisticheskogo landshafta i ego analiz v Rossii i Kitaye, *Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnyye nauki*, 7. 162–167. <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2021.07.21>

MALINOWSKI, D., 2010. Showing seeing in the Korean linguistic cityscape. In SHOHAMY, E., BEN-RAFAEL, E., BARNI, M. (Eds.). *Linguistic landscape in the city*. Bristol: Multilingual Matters, 199–215. <https://doi.org/10.21832/9781847692993-013>

OHÁR, B., 2022. *Iskolai nyelvi tájkép Kárpátalján: a Beregszászi Bethlen Gábor Magyar Líceum, a Nagyberegi Református Líceum és a Nagyberegi Dobrai Péter Középskola nyelvi tájképének összehasonlító elemzése*. Magiszteri dolgozat. II. Rákóczi Ferenc Kárpátaljai Magyar Főiskola.

OLIJNYK, O., 2012. Norma v movnomu landshafti Kyieva, *Kultura slova*, 77. 146–152.

PALADI, A., 2011. *Russkij yazyk kak Lingua Franca v zakarpatskom gorode Solotvino v nashi dni (s privilecheniyem parallel'nykh primerov iz Pridnestrov'ya i Gagauzii)*. Doktorskaya dissertaciya na soiskaniye nauchnoj stepeni PhD. Universitet im. Loranda Etvesha.

PAVLENKO, A., 2009. Language conflict in post-Soviet linguistic landscapes, *Journal of Slavic Linguistics*, 17(1-2). 247–274. <https://doi.org/10.1353/jsl.0.0025>

PAVLENKO, A., 2016. Russkij yazyk kak lingva franka v zarubezhnoj sfere obsluzhivaniya, *Mir russkogo slova*, 1. 23–32.

PAVLENKO, A., MULLEN, A., 2015. Why diachronicity matters in the study of linguistic landscapes, *Linguistic Landscape*, 1(1–2). 114–132. <https://doi.org/10.1075/ll.1.1-2.07pav>

PEVSE, A., 2019. Suchasnyj stan vykladannia ukrainskoi movy v shkolakh Zakarpattia z movamy nacionalnykh menshyn. In BALLA, E., BARAN, YE., CHONKA, T., HAZDAH, V., SHTEFUCA, V. (red.). *Ukrainistyka v Uhorshchyni ta poza yii mezhamy. Materialy mizhnarodnoho naukovoho forumu 11-12 zhovtnia 2018 r., Niredhazkyj universytet*. Niredhaza: “RIK-U”, 213–218.

PILIPENKO, G., 2014. Vtoroyazychnaya rech' zakarpatskikh vengrov: sociolingvističeskij i strukturnyj aspekt. In BARAN, YE., CHERNYCHKO, S. (red.). *Ukrainsko-uhorski mizhmovni kontakty: mynule i suchasnist. Az ukrán-magyar nyelvi kapcsolatok múltja és jelene*. Uzhhorod: Vydavnytvo V. Padiaka, 246–265.

PYLYPENKO, H., 2017. Ukrainska mova zakarpatskykh uhorciv. In MÁRKU, A., TÓTH, E. (Eds.). *Többsnyelvűség, regionalitás, nyelvoktatás. Tanulmányok a Hodinka Antal Nyelvészeti Kutatóközpont kutatásaiból III*. Ungvár: “RIK-U”, 100–107.

RIPEJ, M., 2021. Porushennia leksychnoi normy v suchasnij hazetnij movi, *Ukrainska mova*, 1. 91–103.

ROWLAND, L., 2012. The pedagogical benefits of a linguistic landscape project in Japan, *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 16(4). 494–505. <https://doi.org/10.1080/13670050.2012.708319>

SAYER, P., 2010. Using the linguistic landscape as a pedagogical resource, *ELT Journal*, 64(2). 143–154. <https://doi.org/10.1093/elt/ccp051>

SHOHAMY, E., 2015. LL research as expanding language and language policy, *Linguistic Landscape*, 1(1–2). 152–171. <https://doi.org/10.1075/LL.1.1-2.09SHO>

SZABÓ, T., 2015. The management of diversity in schools: An analysis of Hungarian practices, *Apples – Journal of Applied Language Studies*, 9(1). 25–51. <https://doi.org/10.17011/apples/2015090102>

TARKANIJ, H., 2011. *Zakarpatska vidpovid ukrainskomu «movnomu pytanniu»*. URL: <https://zakarpattya.net.ua/News/80913-Zakarpatska-vidpovid-ukrainskomu-movnomu-pytanniu-> (12.09.2025).

VINCE, B., 2022. *Osoblyvosti spivismuvannia ta vzaiemodii mov u movnomu landshafti mista Vynohradiv*. Mahisterska kvalifikacijna robota. Zakarpatskyj uhorskyj instytut im. Ferenc Rakoci II.